

— 19 июля 1991 г., там же

— На **11 октября** было назначено очередное заседание Учёного Совета в Апатитах, в повестке дня которого среди прочих стоял вопрос об избрании заместителя директора ПГИ по апатитскому отделению. Временно эту должность уже более года занимал Леонид Леонидович Лазутин, назначенный Пивоваровым вопреки "мнению народа" - результатам опроса в Апатитах, согласно которым Лазутин получил только около четверти голосов "за".

— Больше всех тогда получил Витя Мингалёв (49%, кажется), но поскольку половины голосов он не набрал, то сам и отказался от должности. Ляцкий требовал второго тура голосования, а Пивоваров взял и назначил Лазутина, временно, правда, чем нанёс жуткое оскорбление демократическим чувствам Славы и Вити - за что, мол, боролись! Оба к тому же Лазутина терпеть не могли.

— Слава тогда демонстративно вышел из Учёного Совета, не поддержавшего его требование повторных выборов (оставшись, правда, председателем апатитского СУСа), а Витя ушёл в глухую оппозицию Пивоварову, а заодно и по отношению ко мне тоже.

— Галя Мингалёва уверяла, что Пивоваров ещё пожалеет о назначении Лазутина. И не ошиблась. Пивоваров пожалел довольно скоро.

— Леонид Леонидович начал править самостийно, не обращая особого внимания ни на Пивоварова, ни на меня, ни на Ейбога, ни вообще на какие-либо административные службы (бухгалтерия - Иванова, плановый отдел - Васильков, кадры - Исаченко), заботясь, главным образом, о своей популярности в апатитском народе в преддверии грядущего опроса, который Пивоваров обещал провести через год.

— И завоёвывал популярность он довольно простым, но страшно вредным, на наш с Пивоваровым взгляд, способом, создавая, а точнее, поддерживая созданный ещё Гороховым образ врага всех апатитян в лице всего мурманского отделения.

— Он требовал, к примеру, повышения окладов апатитянам, не интересуясь даже финансовым положением института, а когда получал отказ от Пивоварова - откуда, мол, на это деньги взять? - уверял апатитян, что, вот, видите, я за вас радею, а Пивоваров с Намгаладзе не дадут вас облагодетельствовать, всё под Мурманск гребут.

— Ситуация осложнялась тем, что огромный долг, в который ПГИ влез из-за польских МЕР и терещенковских антенных модулей, вынуждал ограничить приобретение любого другого оборудования, а деньги на это выделялись как раз апатитянам, которые, действительно, оказались ущемлёнными, поскольку потратить эти деньги не смогли, они ушли на погашение долгов.

— Лазутин же действовал так, как будто никаких долгов не было, без ведома Пивоварова и моего (а на меня Пивоваров возложил ответственность за финансы всего института) заключил договор (благо есть доступ к печати) на изготовление аэростатных оболочек на следующий год на 200 т.р. непонятно из каких средств и подписал гарантийное письмо на поставку компьютера "Беста-88" за 450 т.р. тоже фактически под новые долги.

— Последнее, к счастью, я успел отозвать, но подавалось это в Апатитах Лазутиным всё в том же ключе: я, мол, радею, а эти гады не дают.

— Короче, Лазутин был неуправляем, настраивал Апатиты не только против Мурманска (что, собственно, и ранее имело место), но и против Пивоварова, который якобы Мурманск любит, а Апатиты нет, зарабатывая себе очки в Апатитах, а нам с Пивоваровым минусы.

— И на проведённом в конце концов опросе по поводу его кандидатуры на пост замдиректора по Апатитскому отделению Лазутин получил в Апатитах что-то около 65 процентов голосов "за", то есть "получил мандат от народа".

— Процедура, однако, требовала голосования на Учёном Совете по кандидатуре,

представленной директором. Пивоваров оказался в отчаянном положении. Лазутиным он уже был сыт по горло, но его хочет народ. Опять идти против народа, но ради кого? С Мингалёвым и Ляцким отношения испорчены, особенно с Витей, а других и претендентов-то вроде бы нет. И Пивоваров смирился: Лазутин безальтернативен.

— На Учёном Совете 11 октября Пивоваров отсутствовал, укатил в Москву, ещё когда я был в Харькове, поручив Боголюбову представить Совету Лазутина на утверждение, не сомневаясь, по-видимому, в результате.

— Все Учёные Советы в отсутствие Пивоварова проводил обычно я, поскольку оставался за директора. Никаких указаний по части утверждения Лазутина на Совете Пивоваров мне не оставил, поэтому я себя чувствовал свободным от обязанности поддержать предложенную директором кандидатуру.

— Более того, я считал решение Пивоварова ошибочным. Он не нашёл лучшего варианта, это так, но нельзя же поэтому соглашаться иметь своим замом не помощника, а противника только потому, что это угодно "народу".

— И когда мы ехали в поезде в Апатиты, я сказал своим попутчикам и соседям по купе, мурманским членам Учёного Совета Боголюбову, Власкову и Боре Ткаченко, что буду голосовать против и их к тому же призываю. Лазутин в качестве замдиректора в Апатитах - это раскол института, продолжение противостояния Мурманск - Апатиты.

— С этим все были согласны. Но! Голосовать против в данном случае означало бы выступить и против Пивоварова, который кандидатуру Лазутина предлагает. Этично ли это?

— Да Пивоваров только обрадуется, если Лазутин не пройдёт. Он ему хуже горькой редьки надоел. А деваться некуда: народ проголосовал "за". Пивоваров уже один раз пошёл против народа, сколько себе нареканий вызвал, теперь боится. Мы ему поможем, если Лазутина завалим.

— Собственно, на том разговор и кончился. Обменялись мнениями, а голосование тайное. Перед Советом я в очередной раз конфликтнул слегка с Лазутиным, который вмешивался в работу отдела кадров, игнорируя Лену Исаченко: чего она, мол, из Мурманска нам сюда указания шлёт, здесь он - начальник. И я лишний раз убедился в том, что с Лазутиным нам с Пивоваровым вряд ли удастся сработать.

— Как всегда, Совет оказался под угрозой отсутствия кворума. Я пошёл к Славе Ляцкому уговаривать его отменить свой бойкот и пойти на Совет, поскольку, во-первых, отпала причина бойкота - Пивоваров опрос в народе провёл, во-вторых, есть шанс Лазутина завалить, я в поезде агитацию провёл, ещё есть Терещенко, которого агитировать не надо, да Витя Мингалёв... Уговорил. Хотя шансов прокатить Лазутина Слава не видел, поздно, мол, раньше надо было этим заниматься. Тем не менее пошёл.

— Обсуждение кандидатуры Лазутина на Совете было весьма вялым, решение выглядело предрешённым. Были лишь два интересных момента.

— Во-первых, когда Лазутин пожаловался, что службы, в частности, бухгалтерия и плановый отдел не обеспечивают его информацией, вскочил Власков и горячо возразил:

— Ерунда, какой информации Вам не хватает, Леонид Леонидович? Вот сводки ежеквартальные, в них всё есть, а уж по своему-то отделу Вы сами свои траты знать должны!

— А во-вторых, когда Лазутина спросили об общем взаимопонимании с дирекцией, службами и мурманской частью ПГИ, он спокойно так ответил:

— Всё в порядке, проблем нет, полное взаимопонимание. Разве что в мелочах...

— Тут я не мог согласиться и возразил:

— К сожалению, это не так. Хотелось бы на это надеяться, если Леонид Леонидыча сегодня изберут, но пока разногласия у нас есть. Главным образом, по финансовым вопросам. Одна "Беста-88" чего стоит.

— И больше я ничего по кандидатуре Лазутина не говорил. Открыто призвать голосовать против я никак не мог: замещая Пивоварова, в его отсутствие выступить

против его предложения - нельзя.

— Голосование тайное. Лазутину надо было набрать половину голосов списочного состава Совета, то есть 9, а присутствовало 12, только-только кворум набрался. Тут Лазутин сам маху дал: уж явку-то апатитян всех надо было обеспечить. Свой бюллетень Лазутин брать отказался - не хочу, мол, участвовать в голосовании по своей кандидатуре.

— Тогда кворума не будет, - заволновался кто-то.

— Боголюбов разъяснил:

— Кворум определяется не по количеству опущенных бюллетеней, а по числу присутствовавших на заседании.

— Так или иначе проголосовали.

— Результаты ошеломили присутствовавших: 4 - за, 4 - против, 4 (включая Лазутина) - воздержались.

— Таким образом, Учёный Совет отклонил кандидатуру, предложенную директором.

— На том же Учёном Совете я рассказал о договоре с "Салютом", но практически никакой реакции не последовало, хотя помимо членов Совета присутствовало много народа. Похоже было, что избрание Лазутина так всех озадачило, что ни о чём другом уже не думалось.

— 22 июля 1991 г., там же

— На обратном пути из Апатит в Мурманск я сидел в кабине КАМАЗа (того самого, на котором мурманский народ ездит за грибами, а по будням в Лопарскую) и любовался панорамой грандиозного полярного сияния, колыхавшегося через всё небо впереди по курсу, а потом прямо над нами.

— Сашуле с Митей пока только раз довелось видеть сияние в Мурманске, прямо из окон нашего дома, но не очень интенсивное, а потому и не очень эффектное. Из-за высокой солнечной активности в этом году магнитосфера сильно поджалась солнечным ветром, и сияния спустились к югу (авроральный овал, то есть зона полярных сияний, расширился и сместился к более низким широтам).

— Ко мне, кстати, обращались из "Полярной правды" с просьбой ответить читателю, который спрашивал, куда делись сияния в Мурманске, раньше, мол, они чаще наблюдались, не связано ли это с загрязнением атмосферы.

— "Ушли на юг", - отвечал я читателю, - "а лет через пять вернутся, всё объясняется 11-летним циклом солнечной активности".

— И ещё позабавил меня шофёр КАМАЗа Гена, прокомментировавший сияние народной приметой: - К морозу, мол.

— Оно, конечно: сияния видны, когда небо ясное, а в ясную погоду осенью и зимой морозы сильнее, чем в пасмурную, когда сияния закрыты облаками.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)